

Потратив за один раз такую огромную сумму, Ань Чанцин и сам перепугался. Вечером, лёжа в постели, он никак не мог уснуть, долго ворочался с боку на бок, а затем и вовсе сел и принялся в очередной раз донимать Сяо Чжигэ:

— Потрачено столько денег! Что мы будем делать, если не сможем их вернуть?

У него был отличный план: если грянет бедствие, цены на эти товары неизбежно взлетят. Зимняя одежда и провизия жизненно необходимы простому народу, но, вразумлённый Сяо Чжигэ, наживаться на них он не собирался. Зато на углях, запасы которых он скупил, Ань Чанцин действительно рассчитывал выручить куш.

Уголь стоит дорого, простые люди используют его редко, в основном им топят богатые дома. Когда цены поднимутся, он воспользуется случаем и распродаст запасы, с лихвой вернув потраченное в двойном размере.

Задумка была хорошей, и всё необходимое было предусмотрено. Сяо Чжигэ доверял ему безоговорочно: когда выдавали серебро из казны, старое лицо управляющего Ван Фугуя сморщилось, как высушенная апельсиновая корка, но Сяо Чжигэ и глазом не моргнул. Словом «Всё на усмотрение ванфэй» он отпустил слугу.

Раньше Ань Чанцин радовался такому доверию, но когда дело дошло до исполнения, от тревоги потерял сон. А что, если эта жизнь окажется иной, чем предыдущая? Что, если подслушанные слухи ложны? Что, если... весь этот товар останется на руках и никому не понадобится?

Он тяжело вздыхал от кручины, изящные бровки нахмурились так, будто сошлись в узлы.

Сяо Чжигэ, разбуженный его метаниями, не знал, как успокоить юношу. Немного подумав, он проговорил:

— В поместье генерала в Яньчжоу ещё есть серебро. И даже если товар останется у нас, всё это можно переправить в Яньчжоу и выдать местным воинам в качестве жалования и провианта.

Ань Чанцин поджал губы и, видя его абсолютное хладнокровие, не удержался от ворчания:

— Столько серебра! Неужели тебе ни капли не жалко и ты ничуть не переживаешь?

Сяо Чжигэ помедлил, а затем склонился к его уху и шепнул несколько слов.

Глаза Ань Чанцина округлились:

— Столько...

— Тсс... — Сяо Чжигэ приложил палец к его губам и покачал головой.

Ань Чанцин сжал губы и невольно приложил руку к груди. По сравнению с той суммой, что назвал Сяо Чжигэ, потраченное серебро и впрямь казалось сущими пустяками. Наконец перестав переживать, что разорит все богатства Бэйчжань-вана, он облегчённо улыбнулся.

Сяо Чжигэ, видя, что тот наконец успокоился, натянул одеяло, укутывая его, нежно прижал к себе и произнёс:

— Завтра додумаешь. Спи.

Ань Чанцин уткнулся в его тёплую грудь и спокойно уснул.

Партия закупленного товара была слишком велика. Опасаясь привлечь лишнее внимание, Ань Чанцин приказал управляющим перевозить её на склады частями в течение нескольких дней. Однако шила в мешке не утаишь: слухи всё же просочились. Тех, кто слышал об этом, переполнял презрительный смех. Поговаривали, будто Бэйчжань-ванфэй — всего лишь незрелый сын от наложницы, который лезет не в своё дело, не имея нужных умений. Набрал кучу грошового барахла и не боится остаться ни с чем.

Наследный принц из Восточного дворца, продавдав о случившемся, изволил выразить весьма странное удивление. Он обратился к своему слуге:

— Неужели второй брат и впрямь влюбился без памяти? Из-за такой кучи добра он же опустошит всю казну! Неужели он так просто позволяет этому сыну наложницы творить глупости?

— Именно так, — ответил слуга, угадывая настроение хозяина. — Говорят, Бэйчжань-ван передал все дела поместья ванфэй, а прежний верный управляющий остался не у дел.

— Как говорят, издавна героям тяжело устоять перед красавцами... — Наследный принц слегка улыбнулся. — Похоже, второй брат увяз по уши. Вот только встанет ли он на ноги снова?..

Слуга льстиво поддакнул:

— Князь, женившийся на мужчине и не имеющий наследников — как он сможет подняться? Боюсь, он угодил в яму, из которой ему вовек не выбраться.

Наследный принц встал и сделал пару шагов. На его лице заиграло удовольствие, но на словах он всё же добавил:

— Хоть и так, расслабляться всё равно нельзя.

Когда последняя партия зимней одежды прибыла на склад мастерской «Тяньи», до Кануна Нового года оставалось всего три дня. Все эти дни Ань Чанцин и Чжоу Хэлань без усталости хлопотали снаружи, следя за тем, чтобы не возникло ни единого промаха. Теперь, когда с грузом всё было в порядке, можно было со спокойной душой готовиться к празднику.

Экипаж привычно ехал по улице Юнлэ. На домах по обеим сторонам уже висели красные фонари и алые ленты, лица прохожих светились радостью. Ань Чанцин приподнял шторку и высунулся наружу, как вдруг какой-то мужчина выскочил сбоку и заступил дорогу карете.

— Ванфэй! Мы с Сяньюй искренне любим друг друга и уже давно помолвлены! Пусть ныне мой род обеднел, но я сделаю всё возможное, чтобы оберегать её! Умоляю вас, перестаньте препятствовать нашей свадьбе!

Мужчина говорил с искренней страстью, а окончив речь, согнулся в глубоком поклоне. Когда же он поднял голову, перед Ань Чанцином оказался У Цзюньшу, которого тот давно не видел.

Одетый в простую холщовую одежду, он утратил прежний лоск, но всё ещё выглядел опрятно.

В сочетании с кротким лицом он казался воплощением пылкой верности — словно Ань Чанцин был жестоким злодеем, разлучающим влюблённых.

От автора:

#У князя есть рудники#

Трусишка: Моё богатство превосходит твоё воображение.

Но-но: Я могу подтвердить =3=

Окрестные горожане из любопытства обступили их со всех сторон, однако вопреки ожиданиям У Цзюньшу вовсе не стали за него заступаться, а напротив, принялись перешёптываться и тыкать в него пальцами.

— Надо же, осмелился перегородить путь экипажу ванфэй! Жизнь не дорога?

— Вот именно! Разве такой добрый человек, как ванфэй, стал бы разлучать влюблённых?

— А юноша-то выглядит довольно статно, да и лицо мне как будто знакомо... Уж не молодой ли господин из знатного дома?

— С такой-то одежкой — и господин? Тогда и я могу сойти за господина, ха-ха-ха-ха!

Развитие событий совсем не совпало с его расчётами. Лицо У Цзюньшу перекошилось. Взглянув на молчаливую карету, он ожесточился, решительно опустил на колени и воскликнул:

— Молю ванфэй о милосердии! Мы с Сяньюй уже давно... давно уже...

Не успел он договорить, как Ань Чанцин гневно отдернул занавеску и резко приказал:

— Те Ху, разбей ему рожу!

Те Ху уже давно надоело слушать его нытьё. Он выскочил из кареты, схватил У Цзюньшу за воротник и влепил ему две звонкие пощёчины, а решив, что этого мало, ещё и вывихнул ему челюсть, дабы из его собачьей пасти не вылетало больше ни слова.

У Цзюньшу не ожидал, что тот посмеет применить силу прямо на улице, и, хватаясь за дико болящую челюсть, мог лишь мычать.

— Ванфэй, не переходите границы! — вдруг выбежала откуда-то сбоку женщина. Она с плачем подхватила У Цзюньшу и запричитала: — Цзюньшу и ваша сестра давно помолвлены, они любят друг друга! Мало того что вы разрушаете их союз, так ещё и калечите человека?!

Ань Чанцин холодно насмешливо произнёс:

— Начнём с того, что помолвку моей сестры и господина У устраивала законная мать, и от обручения до самого расторжения договора сестра ни разу с ним не виделась. Что же до самого господина У, то разве не он ещё на днях делил со своим родным дядей вдову из монастыря? И что же? Вдова скончалась, и господин У тут же передумал?

Лицо У Цзюньшу стало мрачнее тучи, но он мог лишь стискивать рот и издавать жалкое «а-а-а».

Ань Чанцин поднял голос, обращаясь к толпе:

— Почтенные земляки, будьте свидетелями! Третий молодой господин У из поместья маркиза Чжунъюна и впрямь был обручён с моей сестрой. Но не так давно он влип в отвратительный скандал. Я не желал, чтобы сестра страдала в этой змеиной норе, и хотел расторгнуть помолвку, но отец, дорожа дружбой с маркизом Чжунъюном, воспротивился. Не смея ослушаться воли отца, я был вынужден согласиться. Но кто же знал, что У Цзюньшу не просто подлец, но ещё и преступник, нарушивший закон! Поместье маркиза Чжунъюна обыскали и конфисковали, а самого У Цзюньшу за злоупотребление властью и захват чужих земель лишили чина и всех учёных степеней! Как я мог доверить сестру такому подлецу и преступнику?

— Лишь пару дней назад отец сжалился и лично отправился к семье У, чтобы расторгнуть помолвку и вернуть свадебные дары. Было сказано, что отныне каждый идёт своим путём. Кто мог подумать, что семья У на словах согласится, а теперь выйдет на улицу порочить имя моей сестры! Их замысел поистине отвратителен!

Женщина на коленях в панике запричитала:

— Нельзя же так говорить... Мы...

— Вы ведь родная мать У Цзюньшу? — прервал её Ань Чанцин. — Вы лишь наложница, по сути бывшая служанка. Даже если поместье маркиза Чжунъюна разорено, с какой стати вам вмешиваться в дело о браке двух семей?

Выражение лица женщины изменилось, она залепетала, не находя слов.

Слушая это, собравшиеся горожане наконец всё поняли. Тот прохожий, которому лицо показалось знакомым, громко воскликнул:

— Я же говорил, что видел его! Так он из поместья маркиза Чжунъюна! В тот день, когда их забирали люди из Храма Дали, я как раз стоял у ворот поместья!

— Тьфу! Вся семейка — негодяи! Будь это моя дочь, я бы тоже ни за что не отдал её за подобного никчёмша! И ещё хватило наглости устраивать сцену на улице!

— Бесстыдник!

— Какая бесстыдщина!

<http://bllate.org/book/18381/1767653>